

К 50-летию Бориса Рыжего

Дмитрий КОЛЕСНИКОВ

ЖИВЫЕ СТИХИ БОРИСА РЫЖЕГО

8 сентября исполняется 50 лет со дня рождения поэта Бориса Рыжего. Бориса невозможно представить себе в этом возрасте, солидным, умудренным опытом. Слишком стремительно, ярким всполохом пронесли его жизнь и судьба. «Я в мир пришел, чтоб навсегда проститься», — заявил о себе Борис в стихотворении, датированном 1996 годом. Эти строки оказались пророческими и часто невольно приходят на ум при размышлении о поэтической судьбе Бориса. «Он изначально заряжен на мгновенность, вспышечность, метеоритность судьбы»¹, — справедливо утверждает биограф Рыжего Илья Фаликов. В памяти и сердцах Борис навсегда останется юным, с молодым и задорным блеском в глазах, с лукавым прищуром и знаменитым шрамом во всю левую щеку, о котором он любил сочинять романтические истории и легенды.

Пожалуй, наиболее характерное и притягательное свойство поэзии Бориса Рыжего очень точно подметил Александр Кушнер в своем письме к нему: «Вот главная особенность Ваших стихов — они живые. Это редкое качество, и, может быть, единственное, делающее стихи стихами»². Далее маститый поэт поясняет свою мысль: «Ведь так часто приходится читать стихи, в которых есть все: ум, аллюзии, все модное слововерчение и т. д., а душа к ним не лежит, — они мертвые»³. Действительно, Борис не писал мертвых, холодных, филологически правильных, выверенных стихов: его стихотворения необходимо не осмысливать, а слушать душой и сердцем.

Поэзия Рыжего, подобно поэзии многих представителей Серебряного века, вся пронизана музыкой, которую трудно описать: слишком разнообразны ее мелодия, интонации и оттенки. Музыкальную сущность своей поэзии признавал и сам уральский стихотворец, пришедший в одном из своих стихотворений к неоспоримому заключению: «Есть только музыка одна».

¹ Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий Камень. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 245.

² Рыжий Б. Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 517.

³ Там же.

Музыка жила во мне,
никогда не умолкала... —

так начинает поэт другое свое стихотворение... Но какая же она, музыка его стихов?

Безусловно то, что это музыка «тихая, незлая», под которую «не ходят строем»⁴, но ее звучание невозможно уяснить однозначно. Его стихи нередко наполнены блатной музыкой Вторчермета — жилого заводского района Екатеринбурга, где Борис провел детство и юность, музыкой фабричных кварталов и городских окраин:

Приобретут всеевропейкий лоск
слова трансазиатского поэта,
я позабуду сказочный Свердловск
и школьный двор в районе Вторчермета.
Не в плане не лишённой красоты,
но вычурной и артистичной позы,
а потому что там мои кенты,
их профили на мраморе и розы.
На купоросных голубых снегах,
закончившие ШРМ на тройки,
они запнулись с медью в черепках
как первые солдаты перестройки...

Наряду с блатной музыкой многие стихи Бориса Рыжего проникнуты и тихой ретромузыкой, музыкой памяти, в которой воскресает далекий, счастливый и безвозвратно утраченный мир детства и юности поэта, окрашенный типичной атмосферой советских семидесятых-восьмидесятых:

Где обрывается память, начинается старая фильма,
играет старая музыка какую-то дребедень.
Дождь прошел в парке отдыха, и не передать, как сильно
благоухает сирень в этот весенний день.
Сесть на трамвай 10-й, выйти, пройти под аркой
сталинской: все как было, было давным-давно.
Здесь меня брали за руку, тут поднимали на руки,
в открытом кинотеатре показывали кино.
<...>
Все в черно-белом цвете, ходят с мамами дети,
плохой репродуктор что-то победоносно поет.
Как долго я жил на свете, как переносил все эти
сердцебиенья, слезы, и даже наоборот.

Стихотворения Рыжего ретроспективны по своей композиции: они как будто плавно уводят читателей по невидимой лестнице вниз, в уже легендарное прошлое. Сам Борис порой представляется таким опытным киномехаником, который старательно крутит назад черно-белую пленку, перематывая кадр за кадром свою жизнь:

Отмотай-ка жизнь мою назад
и еще назад:

⁴ Обе цитаты заимствованы из стихотворения Бориса Рыжего «Музыка».

вот иду я пьяный через сад,
осень, листопад.
Вот иду я: девушка с веслом
слева, а с ядром —
справа, время встало и стоит,
а листва летит.
Все аттракционы на замке,
никого вокруг,
только слышен где-то вдалеке
репродуктор, друг...

Однако наиболее отчетливо в стихах уральского поэта звучит не вызывающая блатная музыка и не полая ретромузыка памяти, а тревожная и пронзительная музыка смерти, «похоронная музыка на холодном ветру», по выражению самого Бориса. Тема смерти появляется уже в его ранних стихах: например, в стихотворении «Завещание», написанном им в 19 лет, в том возрасте, когда, кажется, только бы наслаждаться беспечной юностью да радоваться жизни. В этом стихотворении поэт мрачно договаривается с кем-то невидимым об установке креста на своей могиле:

Договоримся так: когда умру,
ты крест поставишь над моей могилой.
Пусть внешне будет он как все кресты,
но мы, дружище, будем знать с тобою,
что это — просто роспись. Как в бумаге
безграмотный свой оставляет след,
хочу я крест оставить в этом мире...

С той поры музыка, траурная музыка смерти все шире и полноправнее входит в поэзию Рыжего, и сам поэт как будто мечется вместе со своим лирическим героем: уйти ему или подождать еще? В стихотворении «Кусок элегии» он словно невзначай признается:

Дай руку мне — мне скоро двадцать три —
и верь словам, я дольше продержался
меж двух огней — заката и зари.
Хотел уйти, но выпил и остался...

Изнуряющие метания между жизнью и смертью продолжают и в зрелом поэтическом творчестве Бориса, предвещающем его трагическую гибель:

С антресолей достану «ГТ»,
покручу-поверчу —
я еще поживу и т. д.,
а пока не хочу
этот свет покидать, этот свет,
этот город и дом.
Хорошо, если есть пистолет,
остальное — потом...

Но не только разнообразная по своему звучанию музыка наполняет живостью поэзию Бориса Рыжего, но и другое важное, органически присущее ей качество — пронзи-

тельная исповедальность. Сергей Гандлевский в предисловии к посмертно изданному стихотворному сборнику Бориса «На холодном ветру» абсолютно верно утверждает, что его стихи «имеют прямое отношение к замечательной, предельно исповедальной поэтической традиции, образцовый представитель которой, конечно же, Есенин»⁵. В лучших своих стихах «трансазиатский поэт» надрывно исповедален и космически одинок сродни Лермонтову:

И все казалось, будто чем сложнее,
тем ближе к жизни, к смерти, к человекам, —
так продолжалось много-много дней,
но, юность, ты растаяла со снегом,
и оказалось, мир до боли прост,
но что-то навсегда во мне сломалось,
осталось что-то, пусть пустырь, погост,
но что-то навсегда во мне осталось.
<...>

И с представленьем этим навсегда
я должен жить не мучась, не страдая
и слушая, как булькает вода
в бессонных батареях, засыпая,
склоняться к белоснежному листу
в безлюдное, в ночное время суток —
весь этот мрак, всю эту пустоту
вместив в себя, не потеряв рассудок.

В иных стихах в своем ощущении одиночества Борис иступленно доходит до самоотрицания, самоотречения и отказа от всех возможных благ:

Ничего не надо, даже счастья
быть любимым, не
надо даже теплого участия,
яблони в окне.
<...>
Ничего действительно не надо,
что ни назови:
ни чужого яблоневого сада,
ни чужой любви,
что тебя поддерживает нежно,
уронить боясь.
Лучше страшно, лучше безнадежно,
лучше рылом в грязь.

Охваченный отчаянием одиночества, испытывая неизбывное чувство вины, поэт винит себя во всем сущем и обращается к Богу, с вызовом восклицая:

...бери и жги, глаза мои сухи,
мне ничего, господь, не надо.

⁵ Гандлевский С. Памяти Бориса Рыжего // Рыжий Б. На холодном ветру. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 5.

Лирический герой Бориса Рыжего предельно напоминает персонажа картины Мунка «Крик»: его лицо как будто искажено криком ужаса, боли и отчаяния, происходящим от мучительного осознания своего одиночества в окружающем мире, которое невозможно преодолеть. Только фон картины с изображением лирического героя поэта представляется не кроваво-красным, а белым, а сам герой — черным, под стать излюбленной цветовой гамме стихов Бориса:

Черный ангел на белом снегу —
 мрачным магом уменьшенный в сто...

Поразительно, что несмотря на то, что Борис писал такие яркие, живые, проникнутые острыми эмоциями стихотворения, внешне он жил вполне успешной и благополучной, можно сказать, счастливой жизнью. Он родился в интеллигентной семье геофизика, доктора наук, директора Института геофизики Уральского отделения Академии наук СССР. Как пишет Илья Фаликов, «отец готовил ему геофизическое будущее, но совершил огромную — для своих планов — педагогическую ошибку: внушил младенцу поэтический образ мира, состоящий из русских стихов, высоких идеалов, великих надежд. Колыбельной Бориса была русская поэзия»⁶. Рос Борис в семье в атмосфере всеобщей любви и нежности, о которой он ностальгически вспоминал в одном из своих автобиографических стихотворений:

Потому что все меня любили,
 деревья молчали до утра.
 «Девочки медведя подарили», —
 перед сном читала мне сестра...

В профессиональном плане Борис пошел по стопам отца: по окончании Горного института он поступил и окончил аспирантуру Института геофизики, стал младшим научным сотрудником этого института и опубликовал ряд работ по строению земной коры и сейсмичности. Его поэтическая судьба тоже складывалась как нельзя успешнее: когда Борису было 23, небольшая подборка его стихов была впервые опубликована на страницах престижного литературного издания — журнала «Звезда», а в 1999 году, два года спустя, состоялась первая, уже обширная публикация в журнале «Знамя», постоянным автором которого он стал. За год до смерти он побывал в Роттердаме на Всемирном фестивале поэзии и описал впоследствии свои впечатления в «Роттердамском дневнике». Борис рано наладил свою личную жизнь: уже в 17 лет женился на школьной подруге Ирине Князевой, а через два года у него родился сын Артем, по воле рока трагически погибший в возрасте отца. Именно ему посвящены самые нежные и трогательные стихотворения поэта. Например:

Кто тебе приснился? Ежик?!
 Ну-ка, ну-ка, расскажи.
 Редко в сны заходят все же
 к нам приятели-ежи.
 <...>
 Ежик — это милость рая,
 говорю тебе всерьез,
 к жаркой ручке припадая
 и растроганный до слез.

⁶ Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий Камень. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 98.

И вдруг в эту безмятежную идиллическую атмосферу благополучной жизни пугающим диссонансом врываются другие, леденящие душу строки:

Погадай мне, цыганка, на медный грош,
растолкуй, отчего умру.
Отвечает цыганка, мол, ты умрешь,
не живут такие в миру.
Станет сын чужим и чужой жена,
отвернутся друзья-враги...

Размышляя о причине трагического и безвременного ухода Бориса, Евгений Евтушенко, с которым юный поэт однажды встретился при жизни, высказался так: «Уже в двадцать один год Борис Рыжий предсказал свою смерть. И хотя он говорил о другом человеке, но слишком лично это звучало. Он, к несчастью, не встретил на своем пути Бориса Пастернака, который мог бы ему посоветовать, как мне в 1960 году, ни в коем случае не предсказывать в стихах свою трагическую гибель, ибо сила слова такова, что необратимо толкает поэтов на пулю или в петлю»⁷. Однако мне думается, причина гибели Бориса Рыжего кроется не в фатальном исходе его судьбы, а в том, что поэт в итоге не выдержал того космического одиночества, с которым на протяжении всей своей жизни он безуспешно пытался научиться мирно сосуществовать. Оно все-таки оказалось сильнее и коварнее.

Завершая эссе, мне хотелось бы вспомнить слова Евгения Рейна, который по праву назвал Бориса Рыжего «самым талантливым поэтом своего поколения»⁸. Его живые стихи, как живые розы, пережили смерть их автора.

⁷ Евтушенко Е. Беззащитно бескожий // Новые известия. 2008. 5 сентября.

⁸ Рейн Е. Вся жизнь и еще «Уан бук». Беседа с Татьяной Бек // Вопросы литературы. 2002. № 5.